

АРХАИКА И АРХЕИКА

М.А. МАЯЦКИЙ

Внезапно рухнувший 20 лет назад советский строй дал нам возможность стать свидетелями процесса довольно редкого по своему размаху и чистоте: по многим измерениям история пошла вспять, являя собой пленительное зрелище упадка. Этот процесс привлекал и озадачивал многих исследователей и просто наблюдателей. Уже больше дюжины лет назад мне довелось сказать о современном переплетении современных и архаических практик буквально следующее: суперсовременные дискурсы о клонировании, эвтаназии, пересадке органов, геной инженерии, заслугах и недугах Интернета и т.д. перекрещиваются и сливаются с дискурсом глобализации как раз в то время, когда целые гигантские регионы (в частности, большая часть СНГ) и целые нации (в частности, все народы СНГ) совершают регресс, впадают в натуральное хозяйство, феодальную раздробленность, первоначальное накопление, парамилитарную демократию, кровную месть, пиратство, отправление доримского или церковно-религиозного права, многоженство, торговлю людьми, рабство, таможенные войны и пр.

Философ Владимир Пржиленский предлагает задуматься не только над этим феноменом, но и над возможностями управления им: как обуздать эти возвратные движения? как их приостанавливать? как с ними бороться? Трудно осуждать его за эти благие намерения, и мои заметки ставят задачей только уточнить объект, которым он призывает управлять. Действительно, говоря об архаизации, мы исходим из того, что

1) знаем, куда ведет или должен вести прогресс; что мы уже говорим изнутри некоторой доктрины прогресса.

2) знаем, что движение вспять заслуживает осуждения (преодоления).

Я, однако, не могу безоговорочно подписаться под этими двумя предпосылками.

Что касается первой, то мне кажется, что идея прогресса за последние два-три века утратила свою концептуальную привлекательность. Само представление о линейном прогрессе связано с хронотопически очень определенной формой человека, *homo rationalis* и его последним аватаром – *homo oeconomicus*. *Homo rationalis* – это не тип человека, а понятие о самом себе, которое западный человек счел удобным создать. Дальнейшее зависело от точности и дерзости подсчета. Любые формы коллективности или искусства суть, не правда ли, архаичные остатки стадного инстинкта или анимистского воображения? Для

определенной научной евгеники XIX – XX вв. современная практика самопроизвольного выбора сексуального партнера представлялась рудиментом каменного века. Очевидно также, например, что иметь по два уха или глаза – это атавистичная роскошь дорациональной эпохи антропогенеза. И т.д. Помимо этих пародийных случаев стало ясно, что прогресс – это не какое-то поступательное, ведомое идеей Блага, движение человечества, а конструкция, в отклонении от которой столь же виновен отклоняющийся, сколь и изъян самой конструкции.

В более теоретическом плане и классический либерализм, и марксизм натолкнулись на границы применения своей, казалось бы, универсалистской логики. Ни индивидуальная выгода (экономическая проекция рационального расчета/выбора), ни принципиальная историзация «природы человека» не привели к убедительным выводам. Маркс освободил человека от априорных оков его «природы» и предоставил его бесконечному миру объективных возможностей и субъективных потребностей. В том, что определенные институты оказали и беспределу капитала («движение капитала не знает границ» – этот Марксов тезис имеет в виду, конечно, не только национальные границы) и якобы бесконечному развитию человеческих потребностей серьезное сопротивление, вина не человека, а этого схематизма. Мы уже знаем, что институт траты/потлача не помещается в чисто рациональную логику. Винить ли в этом «архаичный» институт или же эту логику?

Иначе говоря, отправляясь на борьбу с архаикой, не впадаем ли мы в hubris, не посягаем ли на ритмы, которые сильнее нас и которые мы смехотворно пытаемся спрямить во временную стрелу? История, кажется, являет нам зрелище постоянного челночного движения вперед-назад. Уже в силу этого «архаичное», то, что было раньше, не означает менее развитого. Сотни исторических исследований посвящены «Взлету и падению» (соответственно: Rise and fall, Aufstieg und Untergang/Fall, Naissance/Essor/Montée et déclin, Ascesa e caduta...) различных цивилизаций (стран, династий, семей, фирм, теорий, идей и т.д.). Оценка позитивности-негативности здесь напрямую связана с точкой зрения. Падение и Римской империи, и Константинополя называется так из перспективы жертв, тогда как для победителей это было скорее новым и многообещающим началом. Рождение христианства мы уже не связываем с падением языческого пантеона (не только греко-римского), а ведь оно также воспринималось уходящей цивилизацией как деградация, возврат к примитиву...

Если перейти ко второй вышеупомянутой предпосылке, то здесь тоже все далеко не так ясно, и перечислением нескольких «bad examples» (которое некогда предпринял и я) тут не отделаться. Вероятно, никто не будет спорить с тем, что суд (пусть несовершенный)

предпочтительнее, чем лапидация, но убедительность их противопоставления не отменяет сложности и, строго говоря, неразрешимости многих других случаев. Ось «архаика/модерн» — дает лишь одну из возможных семантик эволюции и лишь один из углов анализа. Редукция всех иных перспектив к одной этой уже есть следствие и симптом доминирования прогрессистской парадигмы.

О сложном взаимодействии памяти и письменности (эту ось можно было бы обозначить «имплицитное/формальное») упоминать уже непристойно. Возьмем другой пример: эволюцию языков. Ежегодно умирает определенное количество языков. Для нашего сегодняшнего сознания эта идея чрезвычайно болезненна, почти невыносима, но такая, квази-экологическая, позиция — новейшего происхождения. Совсем недавно, например, во Франции, уже при жизни ныне здравствующего поколения борьба с «говорами» (patois) была возведена в ранг национальной задачи. Чисто рациональный расчет должен, по-видимому, показать, что переход всего человечества на один язык (какой, уже даже и думать не нужно, это уже решено) — это будет несомненный прогресс, например, с точки зрения общения и взаимопонимания между народами (не говоря уже о чисто экономическом аспекте дела). Следует ли считать борьбу французского (некогда язык-угнетатель теперь он превратился в угнетенного) и других национальных языков против тотального доминирования английского архаизацией? Эту ось можно назвать «национальное/универсальное», а неразрешимости, связанные с этой дилеммой, реализовались бы в вопросах типа: считать ли всякое возвращение национального архаизированием?

Другой пример (как и предыдущий, он призван представить тип случаев, для которого релевантна другая ось, а именно: на сей раз «локальное/глобальное»): очевидно, что рыночное хозяйство является прогрессом по отношению к хозяйству натуральному. Но вытекает ли из этого, что любое возвращение к потреблению близко произведенных товаров, скажем, продиктованное экологическими соображениями, — это регресс и впадение в архаику? Я имею в виду не только движение «локаворов» (locavores), но и возрождение в Западной Европе крестьянских рынков, биоферм и т.д. Феномен производства «био» (без удобрений и других химических добавок) и другие, менее массовые «регрессивные» явления оси «натура/культура», типа так называемого городского исхода (перемещения из городов в деревни), slow-food — заставляют заново поставить вопросы о прогрессе и об архаике (как о возврате к некоему началу, arch).

Еще одним возможным параметром рассмотрения проблемы будет «религиозное/секулярное». Считать ли всякое возвращение религиозности обязательно архаизированием? И считать ли всякую секуляризацию прогрессом? Чем яснее и проще будут ответы на эти

вопросы, тем в большей степени они будут упрощать и искажать реальность, игнорировать многообразие и эволюцию форм священного в обществе.

То же касается и оси «авторитарное/демократическое». Режим Берлускони можно в полемическом задоре назвать архаичным, но этот новый авторитаризм немислим без современных медиа, без современных финансовых механизмов.

Динамика современного городского развития такова, что она ставит каждого агента в той или иной степени в позицию реактивной архаизации, толкает на поиски архаизирующего выхода. Будь то в ретро-дизайне или моде, или в сопротивлении навязываемому ритму потребления, или в псевдо-луддитской позиции отпора технологическому натиску, или в неприятии чрезмерной медиализации практик здоровья, или в недовольстве виртуализацией экономики — сегодня на всякого прогрессивного мудреца найдется довольно случаев, когда и он сам станет защищать архаику. Иначе и быть не могло в цивилизации, которая превратила прогресс сначала в религию, а потом — в спорт.

Итак, введение для полноты картины других углов зрения (мы упомянули такие оси анализа, как «имплицитное/формальное», «национальное/универсальное», «локальное/глобальное», «натура/культура», «религиозное/секулярное», наконец, «авторитарное/демократическое») значительно осложнит, но и обогатит анализ по сравнению с использованием одного единственного параметра «архаика/модерн».

Конечно, либеральные и крипто-либеральные концепции истории должны с неизбежностью недоумевать и негодовать по поводу явлений исторических откатов в архаику. Но ни для диалектики, ни для психоанализа — этих оспариваемых сегодня парадигм — возвращение архаического не было ни сюрпризом, ни чем-то заслуживающим однозначного осуждения.